

Концепты-регулятивы

© доктор филологических наук В.И. Карасик, 2005

Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны.

Сравнивая концепты, свойственные различным национальным культурам, мы замечаем, что в ряде случаев мы сталкиваемся с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Такая асимметричность неоднородна. Ее крайней степенью является лакуарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой. Лакуарные концепты представляют собой «незаполненные клеточки» в некоторой матрице и условно могут быть разбиты на следующие разновидности: 1) отсутствующие в сравниваемых культурах осмысления объектов, иллогизмы, которые не вызваны потребностями людей, но могут быть придуманы или созданы [Быкова 1999]: «камнеед», «крысовод», «слонопотам»; 2) отсутствующие в одной из культур осмысления реалий, свойственных другой культуре (предметных, антропонимических, топонимических, историко-культурных, мифологических): «кокошник», «Кремль», «комсомольское собрание», «леший»; 3) нерелевантные для одной из культур качества или сочетания качеств, имеющие имя в той культуре, где они актуальны: «fair play» (в английской лингвокультуре – игра по правилам), «savoir vivre» (во французском языковом сознании – умение жить с удовольствием), «щедрость» (специфическое качество русского национального характера). Строго говоря, о лакуарности как полном отсутствии объекта в последнем случае говорить нельзя, имеет место лингвокультурная специфика, которую нужно объяснить.

Этноспецифическим в приведенном понимании является своеобразное качество, мыслимое как отдельное. С иных позиций этноспецифическим является любое ментальное образование другой культуры: известна позиция И. Е. Аничкова (1992), утверждавшего, что в языке все

идиоматично. В этом плане заслуживает внимания идея лингвистического континуума (В. М. Савицкий), согласно которой можно говорить о той или иной степени идиоматичности языковой единицы и о той или иной степени лингвокультурной специфики концепта [Савицкий, Кулаева 2004]. Можно выделить, таким образом, три типа концептов: 1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры, 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций, 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики.

Существует определенное различие в понимании концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике. С позиций когнитивной науки концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. В этом определении подчеркивается сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. Акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, не случайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке [Кубрякова 1996: 92].

С позиций лингвокультурологии нас интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Строго говоря, человек принадлежит и природе, и культуре. Если вычтеть природную составляющую, останется бестелесная абстракция, если вычтеть культурную составляющую, останется организм. В этом смысле все концепты, которыми оперирует человек, – это культурные концепты. Но есть и более узкое понимание этих сущностей. Когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенными паттернов мировосприятия, выступают культурные концепты. Итак, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фикси-

рующие своеобразие соответствующей культуры. Очень важно то, что культура фиксируется в разных формах, среди которых для лингвистики релевантны языковое сознание и коммуникативное поведение, язык и дискурс [Красных 2002: 12]. В этом плане самой значимой внутренней оппозицией концептов является их противопоставление как когнитивных и культурных единиц, а если быть более точным – лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов [Воркачев 2002]. С позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку.

Содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические концепты весьма своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при их конкретизации в дискурсе (*Время проходит? Время стоит. Проходите вы.* – В этой грустной сентенции концепт «время» приобретает смысл «напоминание о краткости человеческой жизни»). В этой связи возникает вопрос: в какой мере параметрические концепты можно считать концептами? Эти ментальные образования имеют принципиально универсальную, общечеловеческую природу, их ценностный компонент является не внутренне присущим им (ингерентным), а наведенным (адгерентным), их перцептивно-образный компонент осознается как прототипическое уточнение (по Э. Рош), а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе «сущность», «форму», «бытие?»), но их понятийный компонент представляет собой разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах. Самый простой ответ на этот вопрос – считать, что параметрические концепты являются понятиями. Такое решение, при всей его простоте, приводит к тому, что идея концепта как многомерного образования сводится на нет: выделяются ментальные единицы трех типов – понятия, образы и ценности. Второе решение – формально-логическое: принять во внимание возможность нулевого признака (любого из трех компонентов) или, в более гибком выражении, допустить наличие шкалы проявления признака (сильное, слабое и нулевое проявление). Третье решение – акцентировать идею транслируемости (превращаемости) концепта [Ляпин 1997]. Понимание концепта как узловой точки, соединяющей не только личные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания дает возможность соотнести в

единой системе параметрические и непараметрические концепты. При этом мы помним, что параметрические концепты неоднородны, в их составе выделяются категории (общефилософские и научные) и общедоступные универсальные ментальные образования. О лингвокультурной специфике этих концептов можно говорить лишь применительно к их конкретизации в определенной культуре. Например, такова лингвокультурная специфика концепта «фактуальность» в английском и русском языковом сознании [Карасик 2002]. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их антиномический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. Эта бинарность может иметь разные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например: сущность – явление, жизнь – смерть, свобода – необходимость.

Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). В строгом смысле слова следует говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [Бабаева 2004]. Концепты-регулятивы в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения, например, созерцательность и приоритет морали в русской культуре либо агентивность и приоритет права в англоязычном мире. Концепты-регулятивы неоднородны, в их составе выделяются телеономные концепты – «вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни» [Воркачев 2003: 4], такие, как «счастье» и «любовь», и более частные регулятивные концепты – «гордость», «милосердие», «пунктуальность», «пошлость» и др. Концепты-регулятивы представлены в прецедентных текстах [Слышкин 2002]. Именно регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе.

Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «challenge».

В современном русском языке мы сталкиваемся с разными значениями слова «вызов»: 1) (отглагольное существительное, называющее действие, выражаемое глаголом «вызвать») (офиц.) Попросить, пригласить, потребовать показаться, явиться куда-л., откуда-л. *Вызвать врача.*

Вызвать родителей телеграммой; призвать, побудить к каким-л. действиям. Вызвать на бой, на поединок, на соревнование. 2) (офиц.) Документ, содержащий требование, предложение, просьбу прибыть куда-л. Прислать вызов на конференцию. 3) Стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т. п. (выраженное во взгляде, голосе, действиях и т. п.). Вызов коллективу, общественному мнению. Откровенный, прямой, дерзкий вызов. Бросить вызов кому-л. (о поступке, идущем вразрез с общепринятыми нормами) (БТС).

В толковых словарях английского языка слово «challenge» определяется следующим образом: 1) *A demanding or stimulating situation*, 2) *A call to engage in a contest or fight*, 3) *Questioning a statement and demanding an explanation*, 4) *A formal objection to the selection of a particular person as a juror*, 5) *A demand by a sentry for a password or identification* (WordWeb).

A challenge is 1) something new and exciting or difficult which you have the opportunity of doing and which requires great effort and determination if you are going to succeed. eg. She was willing to accept the challenge of the unknown... 2) an invitation or suggestion from someone that you should compete with them in some way. eg They soon recognized the nature of the Conservative challenge... 3) a questioning of the truth, necessity, or usefulness of something or of a person's right to do or have something. eg The challenge to authority is accompanied by a much more serious consideration... (CO-DUILD).

Исторически значение этого слова в английском языке развивалось в следующем направлении: † **1.** *An accusation, a reproach, an objection.* † **2.** *A (false) claim; the act of demanding as a right.* **3.** *An invitation or summons to take part in a trial or contest, spec. (a) to a duel, (b) to a sporting contest, esp. one issued to the reigning champion; a test of one's abilities, a demanding or difficult task.* **4.** *A call to respond; esp. a sentry's demand for a password etc.* **5.** *Law. An exception taken, to a person or thing; spec. an objection made to a juror.* **6.** *A calling in question; the state of being called in question.* **7.** *Immunology. A dose of antigen given to a previously exposed person or animal in order to detect immunity or hypersensitivity* (SOED).

Мы видим, что это слово означает ситуацию, требующую ответного действия либо в конкретном смысле (оклик часового, возражение в адрес судебного заседателя, вызов на поединок или на соревнование, проверка иммунной системы), либо в более общем смысле (поведение в неблагоприятных обстоятельствах, требующих смелости). Внутренняя логика развития значения этого слова может быть выражена в следующих оценках ситуации: враждебная – опасная – трудная – стимулирующая

щая. Соответственно меняется и поведение основных участников этой ситуации – того, кто бросает вызов, и того, кто принимает вызов. Вначале было важно подчеркнуть то, что у бросившего вызов не было права требовать чего-либо от вышестоящего. Такое поведение осуждается. Далее возникает идея вооруженного или невооруженного состязания, и положение дел радикально меняется. В условиях состязания нужно вести себя в соответствии с правилами, а они требуют честной борьбы, хороших манер и великодушия к побежденному. Получая вызов, нельзя было показывать страх или замешательство, это вело к потере репутации. Далее состязание становится спортивным, оно доставляет удовольствие как участникам, так и публике. Бросить вызов в этих обстоятельствах значит проверить себя, испытать приключения, ощутить полноту жизни.

В условиях поединка часто случается так, что соперники не равны по силам. Симпатии наблюдателей обычно на стороне слабого. Люди понимают, что у слабого участника поединка должны быть серьезные основания для того, чтобы вступить в бой с более сильным противником. Это может быть ощущение своей правоты, как у библейского Давида в поединке с Голиафом, либо дерзкое бесстрашие у тех, кто привык постоянно рисковать. Англичане, нация мореходов, хорошо знают, что для плавания по морям нужно быть готовым к любому шторму.

Такое отношение к жизни выражено в слове *defiance* – 1) *open disobedience; bold resistance*. 2) *a challenge to fight or maintain a cause, assertion, etc. In defiance of – disregarding; in conflict with (COD)*.

Для выяснения типичных образов и ситуаций, связанных с исследуемым концептом, я попросил носителей английского языка написать короткое сочинение на тему «challenge». Приведу типичные тексты.

When I think about challenge I see in my mind brave explorers who step upon new lands. They go in the jungle among huge snakes and unknown brightly colored birds or they move to the North pole against winter storm, and their faces are resolute and they know it is their duty to fulfil their plans. May be it is because I remember Professor Challenger from «The Lost World» by Arthur Conan-Doyle. Or I can imagine the crew of a space ship flying to a remote end of the Universe. They know that perhaps they will not come back. But it was their free choice. I think they are happy in the sense that their life is full of intense feeling, they are romantic and they know they do not live in vain. And I hear them say: «Then it's a challenge!» I can hear the intonation of this phrase. They mean they will not quit.

Когда я думаю о вызове, я представляю себе смелых путешественников, ступающих на неизведанные земли. Они идут по джунглям среди огромных змей и неизвестных ярких птиц или двигаются к северному полю-

су сквозь бураны, их лица непреклонны, и они знают, что должны выполнить свои планы. Возможно, это связано с тем, что я хорошо помню профессора Челленджера из «Затерянного мира» А. Конан-Дойля. Еще я представляю себе команду космического корабля, улетающего в далекие края вселенной. Члены экипажа знают, что, возможно, назад они не вернуться. Но это – их свободный выбор. Я думаю, они счастливы в том смысле, что их жизнь наполнена настоящими чувствами, они – романтики, они знают, что живут не зря. Я могу себе представить, как они говорят: «Что ж, это – вызов!» Я слышу ту интонацию, с которой они произносят эти слова, они не свернут с пути.

Следующий текст написан пенсионером, работавшим раньше инженером в крупной фирме.

When I think about a challenge I recollect a couple of situations when my boss asked me to do some job which he thought would be too difficult for me. He is that teasing sort of guy. I remember he always enjoyed seeing me somewhat embarrassed. I can't say I was happy having to work extra hours. The tricky thing was that I could easily say that it was not actually my job, but I understood that he was waiting for such a reaction. I just could not give him such a pleasure. So it was a challenge, and I had to do my best to prove what I am. Later on I learned that it was a common trick recommended to managers by psychologists in order to make people work harder.

Когда я думаю о вызове, я вспоминаю пару ситуаций, когда мой шеф поручал мне работу, которая, как он думал, будет мне не по силам. Он любил так поддевать людей. Ему нравилось видеть, что мне становилось не по себе. Честно говоря, мне совсем не хотелось просиживать на работе лишние часы. Вся зацепка была в том, что я вполне мог отказаться, сказать, что это – не моя работа, но я видел, что он этого как раз и ждет. Мне не хотелось, чтобы он услышал мой отказ и обрадовался. Поэтому для меня это был вызов, и мне приходилось стараться изо всех сил, чтобы доказать, чего я стою. Потом я узнал, что это был обычный трюк, который психологи рекомендуют менеджерам использовать, чтобы заставить людей работать более напряженно.

Типичные ассоциации с данным концептом выражены в следующем тексте.

When I was a little kid there was a guy in my school who used to tease me and pinch me and show that he was very strong. He was two years older than me. I was not sort of a born fighter, so at first I tried to find a peaceful way to settle the things. But it did not help. The boys around started to call me sissy. So one day when that guy came up to me again I gave him a couple of good blows on the nose. He was bleeding, and after that he never came up to me.

Когда я был еще маленьким и ходил в школу, у нас там был один парень, который часто меня дразнил, щипал и показывал, что он очень сильный. Он был на два года старше меня. Я не очень-то люблю драться, поэтому сначала я старался все уладить мирно, но это не помогло. Пацаны стали говорить, что я – маменькин сынок. И вот однажды, когда этот парень опять стал ко мне приставать, я пару раз врезал ему по носу как следует. У него потекла кровь, и с тех пор он ко мне не приставал.

Можно увидеть, что ситуация вызова включает следующие компоненты: (1) человек, вынужденный реагировать на (2) неприятные, трудные или опасные обстоятельства, (3) наличие физической возможности уйти от такой реакции, (4) моральная необходимость противостоять этим обстоятельствам, (5) чувство удовлетворения после принятия решения противостоять им, (6) общественное одобрение такого решения. Таким образом, с концептом {«challenge» – «вызов»} сопряжены концепты «смелость», «усилие», «испытание», «успех».

В Британском компьютерном национальном корпусе базы данных (The British National Corpus Data Base) приводятся следующие примеры, иллюстрирующие структуру рассматриваемого концепта.

While only offering about 20ft of new climbing, it solves the main challenge of the capping roof: a formidable test piece with potentially fatal consequences in the event of a fall.

Отличаясь всего лишь почти на 20 футов в высоту, новое восхождение решает основную проблему, связанную с вызовом, который ставит перед альпинистами покрывающий свод: чрезвычайно трудное испытание с фатальным исходом в случае падения.

Ассоциативная линия: вызов – опасность – смелость.

For too long, over-indulgent teachers have churned out children for whom reading is a challenge and writing a mystery.

Слишком долго сверхснисходительные учителя плодили школьников, для которых чтение – это вызов, а письмо – тайна.

Ассоциативная линия: вызов – трудность – усилие.

There is, she says, little intellectual challenge, hardly any praise, not even much blame.

Она говорит, что здесь слишком маленький интеллектуальный вызов, вряд ли это заслуживает похвалы, да и винить за это никто не будет.

Ассоциативная линия: вызов – интерес – приключение, испытание.

We are now clearly in a mature market and the challenge is to both optimize recovery from existing fields and maximize the development of new marginal fields.

Мы сейчас действуем в условиях развитого рынка, и вызов состоит в том, чтобы получать оптимальную отдачу от существующих проектов и максимально расширять поиск новых областей капиталовложений.

Ассоциативная линия: вызов – цель – успех.

Необходимо отметить, что концепт «вызов» характеризует не обычные, рутинные, а особые моменты в жизни, где нужно остановиться, чтобы сделать выбор. В этом есть элемент торжественности, и поэтому данный концепт часто используется в политической риторике.

Система ценностей, закодированных в языке, в явном виде выражается в высказываниях, которые содержат нормы поведения. Эти высказывания распадаются на два класса: прямые императивы («*Слушайся старших!*») и обобщенные констатации, в которых содержатся рекомендации поведения («*Лучше умереть стоя, чем жить на коленях*»). Эти констатации могут быть выражены в форме логического определения («*Честность – лучшая политика*») и в форме иносказания («*Если ты курица, то почему несешь гусиные яйца?*»). Как прямые императивы, так и обобщенные констатации в их разновидностях сводятся к ценностным протокольным предложениям, построенным по формуле «*Следует вести себя так-то*». Ценностно маркированные высказывания представлены в виде корпуса прецедентных текстов, прежде всего – пословиц и афоризмов. Пословицы, как правило, выражают общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания, афоризмы раскрывают основания этих норм и часто формулируются как личностная оценка этого опыта в виде абстрактного рассуждения. В корпусе английских и русских пословиц мне не встретились в прямом выражении речения, в которых были бы заданы нормы поведения в ситуации вызова, хотя смежные концепты, такие, как «смелость», «испытание», «успех», достаточно представлены в паремиологическом фонде. Вероятно, ситуация вызова отражается в коллективном сознании как сложное образование, сводимое к более простым составляющим, в отношении которых выработаны нормы поведения.

В этом смысле афоризм представляет собой развитие идеи, которая на более простом уровне выражена в пословице. Показателен следующий пример:

The ultimate measure of a man is not where he stands in moments of comfort and convenience, but when he stands at times of challenge and controversy (Martin Luther King).

Человеческая суть раскрывается не в моменты комфорта и удобства, а в час ответа на вызов и трудных споров.

В данном контексте концепт «вызов» используется как иллюстративный компонент в контрасте «хорошие времена – плохие времена». Эта идея сформулирована в поговорке *«Adversity is the touchstone of virtue»* – «Бедствие – пробный камень добродетели», выражающей одну из важнейших норм поведения: *«Нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями»*. Эта универсальная норма поведения является ключевой для понимания специфики отношения к судьбе в англоязычной культуре. Именно в этом понимании, на мой взгляд, и раскрывается сущность концепта «challenge».

Можно выделить две базовые позиции в этой связи. Приняв первую позицию, нужно трезво оценить ситуацию, постараться избежать риска и найти успешное решение проблемы. Положительной стороной такого отношения к ситуации является достижение безопасности, отрицательной – душевная вялость и потеря интереса к жизни. Идея вызова в таком случае не актуализируется. Приняв вторую позицию, следует идти на риск. Плюсом такого выбора является концентрация энергии, чувство полноты жизни, минусом – высокая степень неудачи, жажда острых ощущений и возможная агрессивность. В этом случае идея вызова становится доминирующей. Сравнивая эти позиции, мы неизбежно приходим к пониманию того, что они в значительной мере обусловлены возрастом человека: вызов – это выбор тех, кто молод, уход от вызова – выбор умудренных опытом людей.

Связь концепта «вызов» с ключевыми ценностями американской культуры несомненна: Америка – это страна, где престижно быть молодым и стыдно быть старым. Быть молодым душой и телом значит быть энергичным, мобильным, привлекательным, общительным, здоровым и открытым для ответа на вызовы. Американская культура телесна в том смысле, что она сориентирована на земные проблемы, на практические дела, на материальный мир. Люди обычно лишь с годами приходят к пониманию духовных приоритетов в жизни. Для зрелых людей и цивилизаций с многовековой историей духовные приоритеты являются высшими ценностями. Молодежь улыбается, слушая эти доводы, поскольку считает, что ориентация на духовное связана с потерей возможности получать телесные удовольствия от жизни. Эта ассоциативная линия выражается в концептах «вызов» – «молодость» – «удовольствие». Кстати, английское слово «fun» выражает специфический концепт получения удовольствия – удовольствие в действии и от действия:

Fun is something such as an activity or situation that is pleasant and enjoyable and that causes you to feel happy. *She got a lot of fun out of hiking* (COBUILD).

Fun – playful and often energetic activity. *The children are always full of fun* (CIDE); amusement, esp. lively or playful (COD).

Сравним: удовольствие – 1) чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний; 2) то, что вызывает, создает такое чувство; приятное развлечение, забава. *Наслаждаться удовольствиями городской жизни* (БТС). А. Б. Пеньковский, сравнивая концепты «радость» и «удовольствие», отмечает, что стимулом удовольствия является действие или активное недействие (сладкое ничегонеделание – *dolce far niente*) [Пеньковский 2004: 64]. Разница в английском и русском представлении удовольствия заключается как в степени активности, так и в характеристике возраста субъекта. В концепте «удовольствие» нет акцента на игре, а «fun» подчеркивает именно игру как источник удовольствия. Разумеется, эта разница весьма подвижна и относительна, но даже по сопоставительной употребительности слов «удовольствие» и «fun» (второе значительно чаще встречается в речи и стилистически нейтрально, в то время как первое в большей мере соответствует английскому «pleasure – a feeling of satisfaction or joy» (COD) – чувство удовлетворения или радости).

Концепт «challenge» связан не только с акцентуемой молодостью субъекта, но и с принятыми способами решения конфликтной ситуации: понимая несправедливость своего положения, человек может смириться с этим либо не смиряться с таким положением дел. Если человек не смиряется, то он может искать компромисс, маскировать свои действия и идти на открытое столкновение. Компромисс как способ решения конфликта приветствуется в англоязычной культуре в сфере бизнеса и политики, но в обиходном общении считается благородным поступком бросить вызов. В этом смысле следует отметить тесную связь ситуации вызова с борьбой за свободу.

Трудно перевести адекватно слово «challenge» на русский язык. В русском языковом сознании открытое неповиновение и действие, противоречащее принятым нормам поведения, вызывают отрицательную оценку. В определенной мере этот смысл соответствует древнейшей стадии развития рассматриваемого концепта в английской лингвокультуре. Разумеется, в современных текстах массовой информации и политическом дискурсе со времен перестройки в нашем обиходе появились новые, заимствованные концепты, свойственные англоязычному миру. Но такие слова, транслитерированные либо переведенные на русский

язык (например, «tolerance» – «толерантность», «diversity» – «многообразие»), осознаются на концептуальном уровне как чужие. «Вызов» в этой связи есть свободный выбор индивидуума. К индивидуализму в России всегда было отрицательное отношение. Интересно, что идея противопоставления индивидуального и общественного заложена даже в русских глаголах мышления: «думать» акцентирует коллективную, диалогическую мыслительную деятельность (отсюда и «Государственная дума»), а «мыслить» – индивидуальную, монологическую [Колесов 2004, 29]. Выделение собственной точки зрения в русском коммуникативном поведении вызывает критическую оценку: *«Я – последняя буква в алфавите»*.

Идея индивидуальной ответственности тесно связана с идеей необходимости действия. Разумеется, всем понятно, что невозможно достичь чего-либо без приложения усилий. Но действие как таковое может получить разную оценку: с одной стороны, его можно оценивать с позиций его эффективности, т. е. подчеркивать средства достижения цели, с другой же стороны, его можно оценивать с позиций мотивации, т. е. сначала ответить на вопрос, нужно ли предпринимать то или иное действие. Западный подход к оценке действия сфокусирован на том, как оптимально выполнить работу, поскольку люди работают на себя. В России очень важна мотивация труда: люди хотят видеть смысл в своей деятельности, поскольку на протяжении многих веков подавляющее большинство населения нашей страны было вынуждено работать не на себя, а на барина.

Историческая обусловленность такого отношения к действию в англоязычной и русской культурах вполне понятна. Но помимо исторической обусловленности здесь имеет место и психологическая обусловленность отношения к жизни: позиция **Деятеля** либо **Созерцателя**. Деятель выделяет себя из жизненного потока, пытается направлять развитие событий, развивает планы и обдумывает способы их воплощения в действительность и получает удовлетворение от активного участия в жизни. Созерцатель живет в другом измерении, он ищет гармонии между своей душой и окружающим миром, он принципиально находится внутри жизненного потока и пытается избежать турбулентных действий, которые могут нарушить эту гармонию. В ситуации неблагоприятного развития событий Созерцатель хочет увидеть причины такого положения дел и объяснить их самому себе. Очень часто в результате этого Созерцатель эмоционально реагирует на обстоятельства, это приносит ему успокоение и не требует ничего менять в окружающем мире. Ключевым концептом для Созерцателя является концепт «судьба»

Именно поэтому англоязычный концепт «challenge» часто воспринимается в России как идея тщетного и самонадеянного поведения. Из этого не следует, что все американцы – это энергичные сторонники деятельного подхода к жизни, а русские – неисправимые созерцатели. Различие состоит в том, что существуют культурные доминанты поведения, заданные в сложившихся стереотипных установках и реакциях. В определенных, стремительно расширяющихся сферах жизни (наука, индустрия, спорт, война) различия между отношением к вызову в английской и русской лингвокультурах нивелируется. Более того, необходимость охраны окружающей среды на западе осознается более остро, чем в России, а эта идея существенным образом ограничивает экспансию Деятеля.

Различие в соотношении стереотипов поведения Деятеля и Созерцателя в наибольшей мере просматривается в двух сферах – обиходное и политическое общение и затрагивает ключевой концепт политического дискурса – «власть». В России власть традиционно ассоциируется с угнетением и несправедливостью (прецедентный текст из популярной песни: «*Дай Бог не вляпаться во власть*»). С позиций Созерцателя, власть не может быть справедливой, она лишь не должна превращаться в цинично и жестоко несправедливую. Поэтому общественное мнение редко бывает на стороне человека, который бросает вызов власти, стремясь взять ее в свои руки. Американцы же не ассоциируют власть с несправедливостью. Для них власть – это механизм эффективной организации общества, и в случае неадекватного функционирования такого механизма срабатывает механизм легитимной замены власти. В этом смысле политический вызов признается нормальным положением дел. Современный политический дискурс в России развивается в этом же направлении. Отношение населения к борьбе политиков за власть в некоторой степени различно в США и России: американцы с симпатией относятся к тому, кто бросает вызов власти и принимают во внимание личные качества этого человека, граждане России смотрят на такого человека с подозрением и редко воспринимают политическую риторику всерьез. Положение меняется, если власть в России стремится наказать того, кто бросает ей вызов: несправедливо пострадавших в нашей стране всегда считают борцами за правое дело.

Подведем некоторые итоги. Концепт «**challenge**» относится к числу этноспецифичных концептов-регулятивов в лингвокультуре США, он неразрывно связан с ключевыми ценностями американской культуры – концептами «свобода», «равенство», «энергичность». Этот концепт дает моральную ориентацию поведения в ситуации враждебного или игрово-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

го противостояния, содержит импликации испытаний и успеха, подчеркивает необходимость индивидуальных усилий и определяет позицию Деятеля, направляющего свою судьбу. В ходе своего развития данный концепт превратился в символ испытания характера человека. В русском языковом сознании и коммуникативном поведении концепт «вызов» имеет отрицательные и положительные характеристики, при этом наблюдается тенденция постепенного расширения положительной оценки поведения, воплощающего этот концепт.

Л и т е р а т у р а

- Аничков И.Е.* Идиоматика и семантика // Вопросы языкознания. 1992. № 5.
Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, 2004. – 40 с.
Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. – 33 с.
Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1997.
Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.
Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара, 2004.
Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

С л о в а р и

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
COBUILD – Collins COBUILD English Language Dictionary. London, 1990.
COD – The Concise Oxford Dictionary. 9th Ed. Oxford, 1995. On CD-ROM.
SOED – The New Shorter English Dictionary. 5th Ed. Oxford, 2002. On CD-ROM.